

Ядерный скипетр и европейский империализм

Может показаться парадоксом, что противоречия между Парижем и Берлином обострились именно тогда, когда конфликты на Украине и в Газе – мы их называем *войнами кризиса порядка* – требуют тесной координации, если не интеграции их внешней политики. На самом деле вовсе не новшество, что рейнская ось вступает в противоречие в решающие моменты европейского процесса и противостояния между державами, и, если уж на то пошло, *политической закономерностью* является то, что точка падения франко-германских отношений представляет собой результат серии политических схваток и взаимного позиционирования.

Трудно представить, что в рамках нынешних федеративных и конфедеративных механизмов Евросоюза синтез может произойти иначе, поскольку Франция и Германия – учредительные силы европейского империализма со своими стратегическими интересами, своими связями и влиянием среди “двадцати семи”, своими направлениями проекции, национальными институтами и политическими традициями, и всё это должно найти свою композицию.

Так было с самого рождения *рейнской оси*, когда Елисейский договор между Шарлем де Голлем и Конрадом Аденауэром спровоцировал американскую реакцию и вызвал в Германии «*год атлантистов*», когда учредители немецкого атлантизма работали над тем, чтобы обуздать и ослабить это стратегическое согласие.

Так было в учредительной борьбе 1981–1983 годов, которая заставила Франсуа Миттерана отказаться от национальной экономической программы кейнсианской экспансии его дебюта на посту президента и принять ограничение линии империалистического либеризма, санкционированной Европейской валютной системой (ЕВС) и связью с немецкой маркой. Так было и в 1989–1990 годах в ходе решающего противостояния по вопросу объединения Германии, когда тот же Миттеран отказался от первоначального сопротивления, переключившись с британской оппозицией, и договорился с Гельмутом Коелем о связи между единством Германии, Европейским союзом и будущей федерацией евро.

Приверженность Соединённых Штатов Атлантическому альянсу менее определённа, чем в прошлом; Россия снова стала угрозой; перевооружение Украины для перевооружения Европы – новый лозунг всего Евросоюза. Вполне вероятно, что *смена эпох*, отмеченная войной, приведёт к конфронтации между Парижем и Берлином, сравнимой с тремя поворотными историческими моментами: Елисейским договором, предполагавшим уход от ялтинских договорённостей о разделе Европы; началом либеристского цикла, опосредованного европеизацией немецкой *Ordnungspolitik*; воссоединением Германии как предпосылкой валютной федерации и европейского объединения.

Французская газета *Le Monde* даёт две интерпретации франко-германских разногласий. Первая заключается в том, что Париж и Берлин сделали противоположные выводы из украинской войны: для Олафа Шольца она стала подтверждением того, что в сфере обороны Германия не может обойтись без США, для Эммануэля Макрона доказательством актуальности «*стратегического суверенитета*» Европы.

Пока что это традиционные различные ориентации по обе стороны Рейна. Более насыщенным последствием является вторая интерпретация. По мнению Тома Гомара из IFRI (Французский институт международных отношений), «*военный аппарат Германии оказался очень слабым в свете конфликта, после тридцати лет недофинансирования*». Вместе *Zeitenwende*, провозглашённой Шольцем и сопровождаемой выделением 100 миллиардов евро на перевооружение, немецкие вооружённые силы переживают «*глубокую реорганизацию, которая удивляет аналитиков своей быстротой и сопровождается желанием взять власть над оборонными вопросами в следующем составе Еврокомиссии*».

По мнению *Le Monde*, решение Берлина о реинвестировании в оборону «*нарушило баланс франко-германского тандема*». Согласно неофициальным французским источникам среди аналитиков и чиновников, занимающихся внешней политикой, «*до войны существовало негласное разделение труда между Францией и Германией на мировой арене: Берлин обеспечивал экономическое лидерство, Париж имел преимущество в международных вопросах и вопросах безопасности*». Переломный момент 2022 года «*ставит это неявное соглашение под сомнение, потому что Шольц решил действовать на обоих направлениях*»,

посягнув на французскую прерогативу; к тому же парижские верхи считают, что «Германия наращивает мощь в стратегических вопросах, не имея культуры и инструментов».

Атлантистский тропизм Германии и ослабление тех же атлантических отношений подталкивают Берлин к необходимости брать на себя большую стратегическую ответственность, даже ценой разбалансировки отношений с Парижем. Эти две интерпретации дополняют друг друга и определяют периметр существенной стратегической конфронтации в рамках *рейнской оси*, что также освещает возвращение немецких дебатов о ядерном сдерживании.

Берлин может попытаться удержать Вашингтон в евроатлантической связке, но в то же самое время учитывать его ослабление; ответ, однако, заключается в усилении роли Германии, а не в опоре только на рейнскую связь, которая может представлять собой не менее тревожные неизвестные величины. Как полагаться на одну только защиту *force de frappe*¹, думают в Берлине, которой можно будет лишиться в случае победы совранистки Марин Ле Пен? Зачем принимать претензии Франции на политическое лидерство, если даже при Макроне Париж продемонстрировал стратегическое непостоянство – изменил свою *доктрину* в отношении России – и, во всяком случае, он способен делать грандиозные заявления, мало подкреплённые фактами?

Отказ от абсолютизации атлантической связи переопределяет внутриевропейские отношения, которые ранее были заключены в эти рамки, но Берлин не считает само собой разумеющимся, что это должно вылиться в политическое лидерство Парижа. В послевоенных немецких константах *Westbindung* – западная связь – имеет два направления: франко-германские отношения в ЕС и атлантистские; брать на себя большую ответственность в Берлине это значит в том числе поддерживать баланс между двумя этими направлениями. Подспудно это также свидетельствует об оговорке автономии на будущее возобновление *Ostpolitik* в отношении России.

Ядерное сдерживание – это высший скипетр суверенитета; способность нанести неприемлемый ущерб освобождает от аналогичной угрозы со стороны любого потенциального противника; по мнению де Голля, защита себя с помощью *force de frappe* также освобождала от необоснованного влияния и *неумеренных* претензий на защитные меры со стороны американского *расширенного сдерживания*.

Совместное европейское использование французских *force de frappe*, совместное использование французских и британских сил сдерживания в рамках европейского столпа НАТО, создание европейского сдерживания, намёки на впервые заявленный путь немецкого сдерживания – эти различные формулы, циркулирующие в европейских дебатах, имеют радикально различные стратегические последствия. Не все из них имеют реальное содержание, за исключением их политического использования в противостоянии по вопросу европейской обороны.

Европейский империализм установил свой суверенитет в области *монетарной власти*, создав *федерацию евро*, и объединил федеративные и конфедеративные полномочия в Европейской комиссии, Европарламенте и Европейском Совете. В военно-стратегической сфере открылось четвёртое противостояние, после Европейского оборонного сообщества (ЕОС) в 1950-х годах, инициативы Гельмута Шмидта в 1980-е годы и Конституционного конвента в начале 2000-х. Оборона и внешняя политика остаются национальными прерогативами, но идёт перевооружение Европы, и немецкий вопрос снова становится центральным. На фоне раздумий о брексит и сомнений по поводу трансатлантических связей Лондон также снова в игре.

Энигмы или предположения относительно европейского ядерного скипетра хорошо отражают высокие ставки противостояния, в то время как обычное перевооружение является первой практической почвой для действий. И то, и другое предвещает долгую череду схваток и компромиссов: их исход остаётся непредсказуемым.

Март 2024 г.

---

¹ - Силы ядерного сдерживания.